

КУРСИВ-КОКТЕЙЛЬ

В 1932 году в стране была объявлена «пятилетка». Тогда взрывали храмы, се

Михаил КОЗАКОВ

Вет. клуб - 1999 - 8 мая - с. 11

«БЫЛ ЧЕЛОВЕК,
ПОСЛАННЫЙ ОТ БОГА; ИМЯ ЕМУ ИОАНН»

9 мая Булату Окуджаве исполнилось бы 75 лет

Писать о Булате и очень легко, и не менее трудно. Легкость, безусловно, кажущаяся. Когда тебе привалило счастье знать человека много лет, жить с ним рядом, неоднократно слушать его стихи в его же исполнении, говорить с ним про разное на протяжении жизни, наконец, просто любить его и слышать от него добрые слова в ответ, — возникает обманчивая легкость, что написать о нем несколько страниц не так уж трудно. Так-то оно так, однако, когда пишешь о большом поэте, о крупной личности, о человеке, который повлиял на многие тысячи людей, о барде шестидесятилетия (лишь на первый взгляд), то сразу лезет в голову поверхностное, банальное, общеизвестное и общепотребляемое: «Возьмемся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке...» и пресловутое, и тем не менее прекрасное, про комиссаров в пыльных шлемах.

Булат печалился о том, что «все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа». А зачем? Чтобы испытать самому обаяние физического общения с поэтом-мифом? Или узнать некую истину из первых уст и что-то понять про самого себя? Наверное, и первое, и второе, и пятое, и десятое... и девяносто седьмое...

Но сдается мне, что названное мною вторым («узнать про истину») было бы для Окуджавы самым важным.

А может быть, я ошибочно беру на себя смелость такого рода догадки оттого, что, ужиная с Булатом в разного рода современных «Ярах», домах, кухнях, я сам подсознательно пытался от него, через него понять некую истину про жизнь, про искусство и что-то понять в себе самом?

Когда в начале 80-х годов загремел в автокатастрофу наш хлипкий «москвичонок» и в любовном ударе с рафиком превратился в смятый стичечный корячок, а мы, сидевшие в коробочке, были доставлены в ближайшую больницу и как-то чудом выжили, Булат сказал мне: «Значит, ты еще не достиг истины!». Эта фраза запала в меня. И когда в последние годы жизни поэта я встречался с ним на московской ли, на израильской ли земле, я часто, видя его взгляд, орабренный все более внутри себя, отрешенный, как мне казалось, от внешнего мира и даже прямых собеседников, сидящих за столом, втайне думал: «Это уже взгляд уходящего человека, познавшего некую истину...» И нельзя было сказать по этому взгляду, что истина была лучезарно прекрасной. Это была истина, итог много познавшего и испытывавшего всякой всячины мудрого человека. Человека, уставшего жить. Человека, исполнившего свой долг перед Богом и людьми.

Может быть, всему, о чем пишу, есть и более простое объяснение. Булат неизбежно старел, много болел. Слава, радость творчества и все сопутствующее этому ему уже тоже были хорошо известны, и новые успехи мало что прибавляли к пережитому. Стихи, проза продолжали писаться и писаться хорошо, полюбилось, однако...

Булат, насколько мне известно, не был религиозен, во всяком случае клерикален, церковен. Жена Оля окрестила его, как говорят, почти на смертном одре в Париже. Об этом рассказывали по-разному, некоторые даже с осуждением...

Мне все-таки кажется, что ничего дурного в этом нет. Когда отпевали уже в Москве в храме Космы и Дамиана новопреставленного Булата-Иоанна, мне показалося это вполне органичным. Поэт, настоящий поэт — всегда Божьей милостью. Язык, который он пользуется, — Дар, а как замечено Бродским, Даритель всегда выше дара.

И то, что Булат стал Иоанном, тоже хороший выбор другого имени... Именно святое благовествование от Иоанна начинается сакраментальным «В начале было Слово...» И еще: «Был человек посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете... Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете».

Вот и неверующий в быту Булат Окуджав был послан в мир, чтобы, как Иоанн, своими нездешними звуками изыщной словесности свидетельствовать о Боге, так как любая большая поэзия есть такого рода свидетельство.

Я не упомяну его неудач. Хорошо известен и неоднократно описан тот концерт, кажется, в Доме кино, когда какие-то дураки или подлые кричали: «Пошлость!» Сегодня это воспринимается как скверный анекдот, кем-то придуманный. Хотя, как известно, вначале было не все столь безмятежно.

Булат Шалвович Окуджав с журналистами «Вечернего клуба». Июль 1993 г.

Всевозможные запреты, препоны... Помню, я снимался в картине по хорошей по тем временам военной повести Юры Бондарева «Последние залпы» у режиссера Льва Саакова. Было это в самом начале 60-х. Мы, молодежь, уже вовсю распевали песни Булата. Я предложил Саакову вставить в военную картину песню Булата «Вы слышите: грохочут сапоги, и птицы ошалелые летят, и женщины глядят из-под руки? Вы поняли, куда они глядят?..» Это было очень в тему картины о молодых ребятах, гибнущих в последних боях, когда Германия уже капитулировала. Не прошло. Ни Сааков, ни молодой тогда и мало кому известный писатель-фронтовик Юрий Бондарев даже не ринулись, чтобы осуществить мое предложение. Интуиция — великая вещь. Ну и картина получилась соответственная: серая, никакая, а могла бы, могла... Хотя, полагаю, даже песня Булата ее бы не спасла. Привел этот пример только как примету того времени.

Но вот парадокс! У меня, может быть, и обманчивое ощущение, что с Булатом всю дорогу с конца 50-х все обстояло вполне благополучно и даже светло радостно. Мы познакомились с ним в Питере на мансарде у художника Валентина Дорера. В те летние белые ночи 60-го года молодой «Современник» блистательно гастролитовал в Ленинграде с премьерой спектакля «Толый король» Евгения Шварца, сценарием которого был Валя Дорер. После одного из спектаклей мы, Ефремов и близкая ему компания, были приглашены к Вале на мансарду на Площади искусств. Был там и Николай Петрович Акимов, и Булат Окуджав. Что это была за волшебная белая ночь! Разумеется, Булат пел. Пел охотно, много, замечательно...

На следующий же вечер мы с ним выступали по ленинградскому ТВ в какой-то программе. Мы с Лилей Толмачевой играли отрывок из пьесы Э. де Филиппо «Никто», Булат пел... Весь Питер смотрел, слушал Булата.

Дальнейшее хорошо известно: вечера в Политехе и не в Политехе. Магнитки записей Булата. Заучивание его песен наизусть. Исполнение на кухнях, хором, поодиночке... «Мама, мама, это я дежурию...» Сколько девочек мы кружили голову под эту и другие песни Булата!

Но лично для меня важно то, что до Галича, до Высоцкого был Окуджав. Я любил стихи и песенки Гены Шпаликова, писавшиеся примерно в те же годы, кто-то (и многие) обожали и распевали Юру Визбора, других поэтов-бардов. Затем ворвался Саша Галич. И уже начал свой большой, страстный, сумасшедший путь Володя Высоцкий. Вообще Россия — страна талантливая: Новелла Матвеева, Горюхицкий, Юлий Ким... Многих не называю...

Но чем дальше, тем больше Булат становился классиком XX века. Без натури и какой бы то ни было суесть и суежности. Без сенсаций и скандалов. Может быть, поэтому и осталось ощущение, что все у него в творчестве шло благополучно и гладко. Писались стихи, песни, сценарии, проза, эссе. При-

шла мировая известность. Франция, Польша, Америка, мир. Стали выходить книги, пластинки, пришло телевидение, передачи о нем, фильмы о нем. Успехом у зрителей моих «Покровских ворот» я во многом обязан лежащей на поверхности идее связать, сementировать фильм песнями Булата в его же исполнении. Потом, еще живя в Израиле, я видел его юбилейный вечер — 70-летие. Этот юбилей на ТВ и по сей день считаю лучшим, органичным, безукоризненным по вкусу. И опять-таки Булат палец о палец не ударил, чтобы этот вечер вообще был. Его убедили и вечер сделали его друзья. Толпы людей, не попавших туда, стояли на улице и ждали появления Булата на балконе театра, где проходил юбилей.

У меня такое ощущение, что на творчестве Булата сходились все. Если возникали разные оценки поэзии Галича, Визбора, даже Высоцкого, то имя Булата всех примиряло и вносило спокойное и счастли-

рую отечественную войну, так как такое поганое, античеловеческое дело, как война, не может быть названо Великим. Дело, конечно, не в масштабе, а в сути войны, даже если это война с фашизмом.

И когда сегодня я вновь и вновь открываю книгу стихов Булата Шалвовича Окуджавы и читаю, скажем, его стихотворение «Тамань», я нахожу этому подтверждение.

*Год сорок первый.
Забий туман,
Уходят последние солдаты
в Тамань.*

*А ему подписан пулей
приговор.
Он лежит у крамки
береговой,
он лежит
на самой передовой:
погами — в песок,
к волне — головой...*

Написано спустя 13 лет после войны. Но кажется, что писалось в

Помню в кругу света большой зеленой лампы, стоящей на тумбочке, у постели Булата с гитарой в кресле, лица друзей и счастливого грустной радостью лица Мариенгофа. Встреча двух поэтов, встреча разных поколений.

Стихи Окуджавы встретились и с другим поэтом серебряного века. Владимир Максимов был принят Набоковым. Это редко кому удавалось. В разговоре с Максимовым о литературе Набоков сказал: «Теперь там, в России, есть поэт, стихи которого мне очень нравятся. Это поэт грузинской фамилией — Окуджав».

Максимов из-за границы позвонил Окуджаве: «Булат, ну-ка налей себе быстро рюмку водки», и обрадовал Булата.

В 85-м году мы с Булатом снимались в фильме Романа Балаяна «Храни меня, мой талисман». Снимались — это громко сказано. В картине — своеобразном парафразе на тему пушкинской дуэли — дело происходило в Болдине. Булат и я играли самих себя: групповку-ограждение главных героев. В избе, где висела репродукция луневского портрета Пушкина, происходило нечто вроде спора о гениях: можно ли их играть, изображать в театре или на экране; о тайнах, связанных с их творчеством или личностными качествами. Сцена получилась хоть и живой, но довольно бесстоловой.

Настраение Булата в это время было смутное, я бы сказал, тютчевское. Он и близкие ему люди пережили вместе с ним серьезный личный катаклизм. Булату было уже немало лет. «О, как на склоне наших лет...» Сердце его разрывалось. Все это понять можно. Как раз тютчевская ситуация, которую Булат переживал.

Он пришел ко мне в номер гостиницы и принес свеженаписанные стихи, которые он мне посвятил. Они потом вошли в маленький сборник 88-го года, изданный «Советским писателем», в сборник, который так и назывался: «Посвящается вам». Позволил себе привести их целиком.

*Приносит письма
письмоносец
о том, что Пушкин —
рогносец.
Случилось это
в девятнадцатом столетии.
Да, в девятнадцатом
столетии
влетели в окна письма эти,
и наши предки
в них купались, словно дети.*

*Еще далече до дуэли.
В догадках близкие дурели.
Все созрело, как нарыв
на теле... Словом,
еще последний час
не пробил,
но скорбным был
аранский профиль,
как будто создан был
художником Луневым.*

*Я знаю предков
по картинкам,
но их пристрасть
к поединкам —
не просто жажда проучить
и отличиться,
но в кажущейся жажде
мест*

*преобладало чувство чести,
чему с пеленок
пофартило им учиться.*

*Загадочным то время было:
в понятие чести
что входило?
Убить соперника
и распрямиться сладко?
Но если дуло грех искало,
ведь не убийство
их ласкало...*

*И это все для нас
еще одна загадка.*

*И прежде чем решать
вопросы
про сплетни, козни
и доносы*

*и расковыривать
причины тайной мести,
давайте-ка отложим это
и углубимся в дух поэта,
поразились*

о достоинстве и чести.

Углубиться в дух поэта — это верно замечено, и не только по отношению к тому, у кого был скорбный профиль, когда те, кто считались друзьями, «купались, словно дети», не понимая трагичности происходящего с поэтом.

Да, в Булате влюблялись женщины, что было вполне закономерно. Полагаю, его любили, и некоторые из них любили по-настоящему. Странно, если бы это было не так. Но он сам никогда не слыл Дон-Жуаном, тем паче — Казановой. Он умел любить Ее Величество женщину. Как он умел любить своего сына Булата-Антон, свою жену и, как принято говорить, хранительницу домашнего очага Олю! Я помню их вместе, только сошедшихся, поженившихся, еще молодых. Это была прекрасная, красивая, гармоничная пара. Всегда сдержанный на людях Булат и тоже весьма сдержанная Ольга ничем внешне не выдавали своего счастья и радости. Но это и не надо было подчеркивать, показывать. Это было столь очевидным, что воспринималось окружающими как само собой разумеющееся. Вскоре родился мальчик. Его назвали в честь отца — Булатом. Но мальчик подросток и наименовал себя сам, если не ошибаюсь, в первом же классе, в школьном журнале, Антоном. Родители поняли его, но звался он дома ласково — Буль, Булька.

Когда отпевали Булата, в церковь были допущены немногие. Я увидел Булата-Антон, и мы обнялись. Попрошайся с его отцом там, в церкви, мне не удалось. На прощание и последний поцелуй в холодный лоб или руки времени было отпущено совсем мало, я этого не знал и спокойно ждал своей очереди. Но большой, роскошный гроб (тело Булата казалось очень-очень маленьким, затерявшимся в этом саркофаге) закрыли и вынесли из храма.

Незадолго перед отъездом Булата Шалвовича в Германию мы с ним говорили по телефону, он жил на даче в Перелескине. «Едешь лечиться?» — спросил я. «Да, Ольга меня везет». Я сказал Булату, что в июне буду жить с детьми в Доме творчества в Перелескине и тогда надеюсь подарить ему мою только что вышедшую «Атерскую книгу», где написано, разумеется, и про него, в том числе и в Израиле, где мы дважды встречались и где им были сочинены прекрасные стихи про снег в Иерусалиме и про многое другое. «Вот и замечательно, — сказал мне Булат. — Скоро и наговоримся вдоволь...» Туда, в Перелескино, и пришла скорбная весть о его смерти.

Подобности о последних двух месяцах жизни Булата я узнал на сороковой день, находясь в Питере. Именно на сороковины, купив в гостиничном киоске газету «Культура», прочитал статью-воспоминание Игоря Медового, где натолкнулся на маленький абзац: «Он радовался, что его не тянет к телевизору. Зато читал прихваченные с собой московские газеты и «Атерскую книгу» Михаила Козакова, о которой отзывался очень высоко — как о прозе умной, тонкой, подметившей важные реалии нашей жизни и ничего не приукрашившей...»

Я читал статью один у себя в гостиничном номере ровно на 40-й день. Тронувший меня до слез абзац был как привет от т у д а. Вот и пойдй пойми! Умирая, Рабле сказал: «Я иду в Великое, быть может».

*Господи мой боже,
зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится,
и это ей странно самой,
пока ей еще хватает
времени и огня,
дай же ты всем понемногу...
И не забудь про меня...*